

В ответ на настойчивые расспросы Цинь Гуаньхэ, Бай Циюй наконец сдался.

Однако его рассказ оставался таким же расплывчатым и путанным, что Цинь Гуаньхэ приходилось собирать общую картину тех событий по крупицам.

Бай Циюй поведал, что тогда случилась драка.

Не какая-то мелкая стычка, а побоище, вплоть до применения оружия.

По сравнению с этим, возня Вэй-гэ и Ян Юйсэня, которые вцепились друг другу в глотки, была детским лепетом.

— Когда мы увидели этого Тай-суя, все пришли в неописуемый восторг... Мы ведь обнаружили его сами, в глухих горах, в самом сердце священного горного хребта Тайшань, так что сомнений в подлинности ни у кого не возникло.

— В одно мгновение все перемешалось: одни бросились фотографироваться, другие рассылали снимки «экспертам» для анализа, третьи прямо по телефону пытались выяснить, сколько это может стоить.

— О настоящей цели путешествия — поисках Ока Желтого Источника — все давно забыли.

— Пэй Шисюнь тоже показала мне сделанные ею снимки. С виду этот Тай-суй выглядел действительно устрашающе, вещь, способная перевернуть мировоззрение.

— Правда, Цинь Сяоцзю настаивала, что это просто некачественная поделка, современный пластиковый мусор.

— Думаю, она была права. Если поискать в интернете, то таких Тай-суев или мясных грибов там тысячи. Все они расписаны как нечто божественное, а на поверку оказывается, что им и года нет.

Цинь Гуаньхэ переглянулся с бабушкой Ло и осторожно спросил:

— Вы можете описать его подробнее?

Бай Циюй бросил на него косой взгляд и легко ответил:

— Хорошо, конечно.

Говоря это, он начал жестикулировать, и его длинные тонкие пальцы в свете свечей казались почти прозрачными:

— Эта штука росла в тени, у подножия скалы Тайшань, зажата между двумя искривленными соснами. Высокая, толстая — вдвоем не обхватить... чем-то напоминала огромный черный железный пест.

— Метра полтора в высоту. Пэй Шисюнь сфотографировалась рядом с ней, и на фоне этой машины она, при росте метр семьдесят, казалась совсем крошечной.

— Но как бы сказать... Когда я впервые увидел то фото, мне стало не по себе.

— Разве не должно было возникнуть чувство удивления? — Цинь Гуаньхэ подбирал слова. —

Почему именно не по себе?

— Потому что с человеческой точки зрения это выглядело омерзительно, это не укладывалось в голове. Кто бы на это ни взглянул, у того возникали сомнения в том, что он знал последние десятилетия: как вообще в природе может существовать нечто подобное?

— Не представляю, как люди на месте удержались от рвоты.

— Эта штука была похожа на застывшую слизь, желе из сырой нефти, на огромный ком грязи, упавший из мира великанов... Вот такое было ощущение.

— Поверхность должна была быть гладкой, в свете вспышки она отливала холодным влажным блеском. Казалось, что она очень упругая и прочная. Удивительно, как в такой сухой глуши она могла оставаться влажной.

— Пэй Шисюнь говорила, что вживую это выглядело еще внушительнее. Казалось, что штука дышит: под микроскопом так же едва заметно пульсируют клетки — это было дыхание самой жизни.

— Впрочем, потом она добавила, что, возможно, это просто ветер. В горах он был очень сильным.

— Все были поражены, никто не знал, что делать. Кто-то кричал, что это мягкий нефрит, кто-то — что янтарь, а один из самых образованных предположил, что это Тай-суй.

— Услышав это, все обезумели. Тай-суй — это же легендарный эликсир бессмертия.

— Гуань Бао тут же полоснул по нему армейским ножом. Казалось бы, такая сочная плоть, но ни капли сока не вытекло. Разве это не странно? Даже у старого дерева при надрезе пойдет смола.

— В общем, нож входил в него как в трясину, не оставляя следов. Гуань Бао хотел отрезать кусок, чтобы попробовать, но остальные его остановили: мол, если испортишь товар, выгодно не продашь.

Цинь Гуаньхэ не удержался и прервал его:

— Насколько я помню, самый большой из известных Тай-суев весил меньше ста килограммов. Если их находка была настоящей, то ее объем составлял не меньше тонны.

Остальное он договаривать не стал: за последние сто лет находили немало Тай-суев самых причудливых форм, но среди них никогда не было черных.

В научных кругах принято считать, что Тай-суй — это сложный симбиоз бактерий, грибов и слизевиков, в любом случае — живое существо.

А в природе почти не встречается абсолютно черных растений или грибов. Черный цвет означает отсутствие хлорофилла, неспособность защититься или привлечь насекомых. Это цвет инородного, нежизнеспособного объекта.

Но услышав слова Цинь Гуаньхэ, Бай Циюй ответил с явной усмешкой.

Половина его лица тонула в тени, и он произнес с оттенком презрения к чужому невежеству:

— То, что вы этого не видели, не значит, что этого не существует.

Это прозвучало странно, ведь судя по рассказу, сам Бай Циюй придерживался теории о пластиковом мусоре и насмехался над остальными.

Не обращая внимания на замешательство Цинь Гуаньхэ, Бай Циюй сменил позу и продолжил:

— В общем, они подрались из-за того, кому этот Тай-суй достанется.

— Большинство хотело его продать — в основном участники отряда Дыхание Земли. Это были торговцы из Цзяодуна, занимавшиеся мелким импортом из Кореи, переработкой европейского сырья... люди, у которых в глазах были только деньги.

— Желание заработать понятно. Глушь, не заповедник, кто нашел — тот и хозяин. Но как вывезти, как делить прибыль? Начались споры.

— Кто-то предложил немедленно связаться с покупателями или музеем, лишь бы поскорее забрать его оттуда.

— Но другие были против. Они считали, что такая находка — это редчайший шедевр, не уступающий по ценности яшме Хэши Би, и не верили в предложенные покупателями цены.

— В мире коллекционеров полно тех, кто обманывает новичков. Красиво это называют выгодной сделкой, а на деле — мошенничество.

— А передача в музей — это еще большая глупость, никто не слышал, чтобы за это платили.

— Эта группа настаивала на том, чтобы сначала найти покупателя и изучить рынок, а штука никуда не денется.

— Но стоило им это предложить, как остальные взъярились: мол, кто знает, не продадите ли вы его втихаря, чтобы присвоить все деньги?

— К тому же, хоть горы и глухие, люди здесь ходят. Геологоразведочный отряд провинциального управления по делам земельных ресурсов ушел отсюда всего десять часов назад. А если его найдут чиновники или местные жители? Останемся ни с чем.

— И тогда у Цинь Сяоцзю и ее шестерых друзей возникла третья точка зрения. Они считали, что Тай-суя трогать нельзя.

— Поскольку это вещь, ценность которой как лекарства выше, чем как предмета коллекционирования, продать его целиком невозможно — придется резать на куски.

— Они были своего рода защитниками природы и считали, что если эта штука настоящая, то ей тысячи лет. Стоит нарушить ее целостность, и второго такого чуда на Земле не найти.

— Вот так и началась драка...

— Когда они нашли Тай-суя, уже совсем стемнело, а связь в горах была плохая. Пэй Шисюнь говорила, что по пути не видела ни одного поста лесной охраны, и ей было не по себе. Как оказалось, не зря.

Бай Циюй устало опустил веки:

— Те, кто настаивал на продаже, будто превратились в других людей.

— Безумие, раздражительность, ярость. Они использовали любое оружие, чтобы драться. Казалось, Тай-суй разом отсек их разум, оставив лишь звериную жестокость.

— К счастью, мы шли в поход, и у нас были только альпинистские ледорубы, трости да открывалки — ничего по-настоящему смертоносного.

— Но вы же знаете: безумец, лишенный рассудка, опасен даже с голыми руками. Такие крепкие парни, как Гуань Бао, с кинжалом в руках не решались разнимать драку.

— В конце концов... бывшего парня Чжичжи по имени Чжао Сяодун забили насмерть ледорубом.

— Пэй Шисюнь рассказывала, что ему ударили прямо в лоб, и белесые мозги вперемешку с кровью брызнули на Тай-суя.

— Ирония судьбы: его труп упал на то самое сокровище, из-за которого они грызлись, словно на мягкую кровать, и он утонул в нем, как в пружинистом матрасе.

— А его бывшие друзья и соратники, опасаясь, что он испачкает Тай-суя, просто сбросили его тело вниз по склону.

Когда Бай Циюй договорил, его тон оставался таким же ровным, будто он рассказывал о какой-то пустяковой бытовой мелочи.

Цинь Гуаньхэ не сдержался:

— Что в итоге стало с Тай-суем?

К удивлению, Бай Циюй рассмеялся.

У него было странное, расслабленное выражение лица, а голос звучал пугающе мягко:

— Как же так? Первое, что вас волнует, — не убийца Чжао Сяодуна, а Тай-суй?

Этот вопрос ударил в самое сердце. Цинь Гуаньхэ быстро осознал, что ведет себя неадекватно, его взгляд стал холодным, и он прошептал очищающую мантру.

Воздух застыл, а Бай Циюй тихо захихикал.

— Скажите... вы и правда верите, что они нашли Тай-суя?

— Что ты имеешь в виду?

— Ни одно слово из того, что я сказал, не было ложью. Но у этой истории есть еще одна, а точнее — две версии.

— Я не мог смириться с тем, что все вокруг говорят загадками о той поездке на гору Баотоу, и пошел к Ян Юйсэню, чтобы прояснить ситуацию. Он сказал мне...

— Меньше общайся с Цинь Сяоцзю и ее компанией, они все сумасшедшие, законченные психи.

— Ян Юйсэнь сказал: то черное нечто на фото, которое выглядит таким мерзким и пугающим, — это вовсе не Тай-суй.

— Это был просто чехол от палатки. Когда мы ехали в Циндао, ты сам его нес.

— Ян Юйсэнь рассказал, что накануне подъема они в деревне у подножия горы выпили местный суп из диких грибов под названием Триста лет. Он показался им очень вкусным и необычным, поэтому они купили сушеных грибов, чтобы сварить суп на спиртовке по пути.

— Спиртовка дает куда меньше жара, чем костер. Скорее всего, грибы не проварились, токсины не нейтрализовались, и у всей группы начались галлюцинации.

— Ян Юйсэнь так уверен в этом, потому что много путешествовал и никогда не видел таких диких грибов, поэтому из осторожности не стал их есть.

— Также не ели Чэнь Шу и Гуань Бао, которых он отговорил. Я говорил с Чэнь Шу, они оба подтвердили: никакого Тай-суя не было.

— Ян Юйсэнь сказал, что инцидент произошел через два часа после ужина. У тех, кто ел суп Триста лет, начались головокружение и слабость, они не могли продолжать путь. А так как уже стемнело, решили остановиться на ночлег.

— Он сказал, что в тот момент он, Чэнь Шу и Гуань Бао собирали ветки для костра, как вдруг услышали шум драки со стороны палаток. Они были далеко и не поняли, с чего все началось. А когда прибежали разнимать, то испугались дикого вида тех людей и отступили.

— В глазах тех людей не было ничего человеческого, только бесчеловечная жестокость и безумие. От людей с таким взглядом можно ожидать чего угодно.

— Ян Юйсэнь добавил, что даже Линь Тяньюй, такой осторожный врач, попался на эту удочку. Увидев их троих, он пытался склонить их к разделу добычи. Ян Юйсэнь, видя, что Линь Тяньюй еще сохраняет остатки разума, осторожно спросил, из-за чего они дерутся, и только тогда узнал про этот проклятый Тай-суй.

— Когда он это рассказывал, на его лице была такая боль и раскаяние. Он сказал, что если бы тогда проявил твердость и запретил всем есть суп, ничего бы не случилось.

— Я переспросил Гуань Бао, и его версия совпала с версиями Ян Юйсэня и Чэнь Шу.

— У каждого своя правда, но он даже отрезал, что галлюцинация о борьбе за Тай-суя была выдумана ими специально, чтобы убедить судью в невменяемости и получить меньший срок.

— Впрочем, смягчить наказание не удалось. Какой судья поверит в такую нелепую историю?

— В любом случае, какова бы ни была истина, смерть Чжао Сяодуна — свершившийся факт.

Бай Циюй мрачно продолжил:

— Тех, кого нужно было арестовать, арестовали. Жаль, что только главного виновника приговорили к пожизненному, он до сих пор сидит в техасской тюрьме... Остальные получили несколько лет за участие в массовой драке и непредумышленное убийство, и их уже выпустили.

— После того случая репутация Дыхание Земли была уничтожена, а Цинь Сяоцзю и остальные

шестеро, не участвовавшие в драке, присоединились к нам.

Цинь Гуаньхэ достал телефон и искал по ключевым словам вроде Тай-суй Цилю, но, разумеется, никаких новостей не нашел.

Заметив его осторожность, Бай Циюй усмехнулся:

— Может, хватит уже подозревать всех и вся? Дышащий черный слизевик, гриб размером с человека, который не оставляет следов от ножа... Если подумать, разве это не звучит все более нелепо?

— В конечном счете, это просто чехол от палатки, который показался им чем-то иным из-за галлюцинаций.

Цинь Гуаньхэ не сводил глаз с бледного лица Бай Циюя, стараясь не упустить ни одной микроэмоции.

Но, как и до начала разговора, кроме чувства вины, желания уйти от ответа и легкой, непонятной иронии, в нем не было ни страха, ни ужаса.

Может, за последнее время его порог чувствительности к страху повысился?

Или из-за того, что он не был там лично, он не так глубоко погрузился в ситуацию?

Но погибший Чжао Сяодун никак не был связан с Бай Циюем, и сам он не присутствовал на месте событий, почему же он чувствует себя виноватым?

Цинь Гуаньхэ подбирал слова:

— Этот погибший Чжао Сяодун, вы сказали, был бывшим парнем Чжичжи. Это та самая Чжичжи, которая вышла замуж за старика Лю?

В чате экспедиции до сих пор висело поздравление с их свадьбой, невозможно забыть.

Бай Циюй кивнул:

— После того случая у Чжичжи диагностировали среднюю степень депрессии, она уволилась и долгое время не выходила на связь.

— Перед поездкой в Циндао она внезапно объявилась, сказала, что хочет развеяться, посмотреть на море, походить по песку, и присоединилась к нам.

— Увы, как только старик Лю сломал лодыжку, видимо, вспомнив о смерти бывшего парня, она испытала новый психологический удар и, несмотря ни на что, уехала вместе с ним.

— Старик Лю работает в госучреждении, кажется, в департаменте гуманитарной истории провинции Цилю. Госслужащий, работа стабильная. Чжичжи уже за тридцать, в разговорах с девушками она постоянно говорила о замужестве, видимо, очень спешила. Они приглянулись друг другу и поженились в спешке, ничего странного.

После короткой паузы Цинь Гуаньхэ только хотел что-то сказать, как услышал едва уловимый вздох Бай Циюя.

Тот почти прошептал:

— Иногда я думаю, если бы я не встретил этих людей...

Когда Цинь Гуаньхэ прислушался, Бай Циюй замолчал.

Эти вздохи Цинь Гуаньхэ слышал тысячи раз от паломников, и чаще всего они заканчивались фразой «лучше бы мы не встречались».

Почти никто не говорил «лучше бы я не попал в это».

Цинь Гуаньхэ подумал, что это несправедливо: пройденный путь и люди, встреченные на нем, — это часть прошлого.

Но люди редко жалеют о собственных решениях, предпочитая перекладывать вину за свои сожаления на тех, кого они встретили.

Это отступление затянулось, Бай Циюй некоторое время молчал, а затем растерянно посмотрел на Цинь Гуаньхэ.

Они тихо смотрели друг на друга, легкий ветерок шевелил дым благовоний, и Бай Циюй пришел в себя:

— Я... на чем я остановился?

Его лицо становилось все хуже, в полумраке комнаты оно напоминало лист белой бумаги или разбивающуюся фарфоровую куклу.

Он слегка съежился в своей свободной футболке, и во всем его облике было что-то необъяснимо трогательное. Перед таким человеком даже у самого черствого сердце смягчалось.

Словно боясь, что громкий звук разрушит видение, Цинь Гуаньхэ мягко сказал:

— Бомбоубежище.

— Точно, бомбоубежище... — Бай Циюй моргнул, словно заевшая пластинка, повторив это дважды. — История о том, как шестнадцать человек дошли до убежища.

— Это убежище... мы нашли его на обратном пути.

— В тот момент плечо Ян Юйсэня продолжало кровоточить, кровь никак не останавливалась.

— Врач сказал, что, скорее всего, задета мелкая артерия. Боялись не потери крови, а инфекции. Рана глубокая, в подземных коммуникациях полно плесени, если начнется заражение, будет худо.

— Из-за этого происшествия атмосфера в группе упала до точки замерзания. Кроме стонущего от боли Ян Юйсэня, никто не произносил ни слова.

— Знаете, в таком сыром, холодном и темном месте, где над головой гудят трубы, похожие на кровеносные сосуды, и раздаются странные звуки... психика легко дает сбой.

— Ян Юйсэнь всю дорогу ворчал, неся всякую чушь.

— Ругал Вэй-гэ, угрожал ему. Ругал Гуань Бао за то, что тот не остановил драку, а потом начал ругать всех остальных за то, что потащили его в это проклятое место, где вместо монстров — одна трата времени.

— Но ведь идея отправиться сюда принадлежала ему самому? Впрочем, он был ранен, и мы не стали обращать внимания.

— Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что его последующее безумие и госпитализация начались уже тогда.

— Как бы сказать... его ругань, его жалобы — речь вдруг стала хаотичной, как у маленького ребенка, который только учится говорить. Слова вылетали по одному, сплошь грязная, матерная брань. Порядок и логика отсутствовали.

— Врач просил нас не спорить с ним, сказал, что это может быть психологическая травма.

— Так мы терпели один день, а на третий день пути назад мы заблудились.

— Заблудились?

Бай Циюй кивнул:

— На самом деле это часто случается. В таких неизведанных местах, без карт и указателей, да еще и без связи, заблудиться — обычное дело.

— Когда мы шли туда, Гуань Бао оставлял метки — маленькие пластиковые штучки, купленные на Таобао, — а на обратном пути собирал их.

— Но мы шли почти полчаса и не нашли ни одной метки, тогда и поняли, что сбились с пути.

— Те трое друзей Цинь Сяоцзю — не хочу показаться грубым, но с такой трусостью не стоит лезть в городское исследование, только другим вредят. Постоянно ныли, говорили гадости, от которых опускались руки; Ян Юйсэнь бесился, раздражая всех вокруг. Из-за них атмосфера была такой тяжелой, что казалось, вот-вот взорвется.

— Гуань Бао понял, что нельзя продолжать движение, и разбил лагерь. Трусливых оставили присматривать за Ян Юйсэнем.

— Остальные разбились на пары и пошли искать дорогу назад. Я оказался лишним, поэтому пошел с Чэнь Шу и Ай Чуньшэнем.

— Прошло всего пять минут, как мы издали услышали приглушенные крики.

— Звукоизоляция в подземных каналах просто невероятная, эхо особенно сильное, от него сердце уходит в пятки. Мы прислушались — это была аспирантка профессора Хо, Хань Цзянсюэ, она кричала: «Скорее сюда, собираемся!»

— Мы подумали, что нашли дорогу, и поспешили на звук, но...

Бай Циюй сделал мечтательное, фанатичное выражение лица, явно возбужденное до предела.

— Мы нашли это замечательное место. Хи... хи-хи...

Странное выражение лица исчезло в мгновение ока, даже Цинь Гуаньхэ, который не сводил

глаз с Бай Циюя, усомнился, не показалось ли ему.

На самом деле, подобные иллюзии преследовали его уже несколько минут, а может, и дольше.

Цинь Гуаньхэ несколько раз видел, как под красивой кожей Бай Циюя что-то «копошится».

В омерзительных галлюцинациях белая кожа медленно вздувалась от влаги, а губы становились ярко-красными, как у трупа.

Даже голос юноши превращался в странный хриплый крик, а в ушах стоял гул тысячи плачущих и вопящих людей.

Гу-гу-а-а-а — убей — его —

Расчленишь — расчленишь — расчленишь —

— Не жалеешь — не жалеешь —

Стоило моргнуть, и видения исчезали.

Наверное, это тоже была галлюцинация.

Как и в прошлый раз, проблема была в нем самом.

Цинь Гуаньхэ глубоко вздохнул, позволяя священному аромату благовоний наполнить ноздри, и тревога в сердце немного отступила.

Бай Циюй растерянно смотрел на него:

— Господин Дима?

— Все в порядке, — кратко ответил он. — Продолжай.

Бай Циюй снова принялся за компьютер, показывая фотографии, сделанные в бомбоубежище.

Только одну гигантскую дверь, заросшую лианами, он сфотографировал трижды.

Лианы, разросшиеся, как искривленные руки, плотно обвивали стальную махину, скрывая следы войны под густой зеленью.

Где-то на двери виднелся полустертый знак радиационной и биологической опасности.

— Разве это не подземные коммуникации? Откуда там лианы?

— Ах, забыл сказать. Мы дошли до вентиляционного отверстия, профессор Хо сказал, что это запасной вход в убежище. Там была решетка, через которую пробивался свет.

— Значит, эта фотография была сделана не на поверхности, а все еще в канализации?

Цинь Гуаньхэ внимательно изучил жуткий групповой снимок.

На фото участники экспедиции стояли перед огромной, сложной стальной дверью.

Но в отличие от первого снимка, их выражения лиц были куда сложнее. Кроме пары человек, ни у кого не было искренней улыбки.

У некоторых на лицах застыло странное, неприятное выражение:

Хмурились, таращились, опускали уголки губ, словно боясь или ненавидя то, что было перед объективом.

Искаженные лица на групповом фото придавали ему мрачный, зловещий вид.

Но это не было случайным кадром, это была общая фотография.

Цинь Гуаньхэ как бы невзначай спросил:

— Это ты фотографировал?

Бай Циюй замешкался и неуверенно кивнул:

— Да, вроде бы... Помню, что делал снимок.

Он пояснил:

— Мы фотографировали по пути, у зеркалки с функцией таймера села батарейка. После съемки они жаловались, что все вышли уродливыми... У меня ведь не было опыта...

— Это было на выходе или до входа?

Погрузившись в воспоминания, Бай Циюй, казалось, не услышал вопроса. Он коротко улыбнулся и продолжил:

— Эта дверь... не меньше двух гаражей в высоту и полутора в ширину. Нужно было отойти далеко, чтобы увидеть ее целиком.

— Стоя в сумраке канализации, глядя на нее, на пробивающийся сквозь щели солнечный свет, чувствуешь тяжесть истории, тишину ушедших лет.

— Это было невероятное ощущение... Мы словно плыли против течения времени, возвращаясь в эпоху войны, дыма и скитаний...

— Профессор Хо прошелся туда-сюда пять раз, его голос дрожал. Он сказал, что это абсолютно точно неисследованное военное бомбоубежище, построенное еще немцами, и это станет величайшим открытием в военной истории Цилу!

— Все это время они с ученицей не переставали щелкать затворами и восхищаться. Хо Чуаньшань сказал, что не был так взволнован, даже когда стал стипендиатом программы Чанцзян.

— Честно говоря, все были в таком восторге, что словами не передать. Даже Ян Юйсэнь перестал сквернословить от изумления.

— Не знаю, что это были за лианы на дверях. Наверное, из-за специфического климата они мутировали: толщиной с руку, тяжёлые, густые — очищать их было невероятно трудно.

— Но все были так взволнованы, что никто не жаловался на усталость. Мужчины, женщины, старики и дети — все взялись за дело, и примерно через час мы расчистили площадку перед

входом.

— Процедура открытия оказалась очень мудрёной. Неподготовленный человек ни за что бы не разобрался в этих хитросплетениях механизмов. Но с нами был профессор Хо, так что он справился в два счёта.

— Мы шестнадцатером навалились на дверь и под глухой скрежет открыли наконец этот запечатанный на долгие годы бомбоубежище.

— Первое, что ударило в нос, — это невыносимая вонь.

— Мы давно привыкли к сырости и плесени подземных коммуникаций, но здесь пахло гнилью, словно внутри передохли тысячи тонн рыбы и креветок. Запах был настолько едким, что кружилась голова.

— Профессор Хо тогда ещё пошутил, мол, это вполне естественно: если бы человек мог дышать на глубине океана, он бы чувствовал именно это — запах гумуса, продуктов жизнедеятельности крупных морских обитателей и тому подобного.

— Впрочем, у профессора был с собой анализатор воздуха, довольно высокотехнологичный прибор. Он сказал, что уровень кислорода в норме и опасности нет, можно входить.

— К тому же наше любопытство достигло предела. Только представьте: нетронутое военное бомбоубежище, да ещё и немецкой постройки! Даже самый привередливый не нашёл бы повода отказаться. Мы просто раздали друг другу маски и вошли.

— Первые метров десять напоминали огромный пустой зал, где запросто можно было бы провести футбольный матч пять на пять.

— Не знаю, как профессор Хо проводил разведку, но он заявил, что объекту вряд ли больше ста лет.

Услышав это, Цинь Гуаньхэ нахмурился:

— Меньше ста лет?

Бай Циюй кивнул:

— Всем известно, что немцы правили в Цзяоао всего семнадцать лет и были изгнаны оттуда в 1914 году. Сейчас 2021-й, как же может быть меньше ста лет?

— Мы тогда посмеялись, что и на старуху бывает проруха — даже профессор Хо может ошибиться. Его аспирант, весёлый парень, даже спросил, не японцы ли это построили.

— Но профессор стоял на своём. Он говорил: посмотрите на подземные каналы, по которым мы шли — это же настоящий лабиринт. Гуань Бао ростом метр девяносто стоит там в полный рост, места полно. По ширине и высоте они не уступают системе канализации из Собора Парижской Богоматери. А детали на трубах, способные прослужить сотню лет? А немецкие маркировки, которые время от времени попадались на глаза (хотя никто из нас их больше не видел)? Это явно немецкая работа.

— Он утверждал, что в современной историографии есть мнение, будто немцы даже во время японской оккупации тайно вели деятельность в Цзяоао, следя за каждым шагом союзников. Политические интриги внутри стран Оси всегда были куда запутаннее, чем в художественных произведениях.

— Профессор был в восторге, говорил, что, возможно, мы наткнулись на нечто грандиозное. Это будет бесценный исторический материал!

— Мы двинулись дальше, и путь разветвился — видимо, для распределения потоков людей. Мы сделали несколько крутых поворотов, от которых пошла кругом голова.

— Впрочем, как бы сложен ни был этот лабиринт, он всё же был проще городской канализации. Мы разделились на четыре группы и пошли исследовать дальше.

— Прошло минут десять, группы снова встретились, но странно было то, что после воссоединения мы прошли ещё немного и упёрлись в тупик.

Цинь Гуаньхэ нахмурился:

— Это нелогично. По идее, в системе гражданской обороны должно быть как минимум два выхода для беспрепятственной эвакуации.

— Да, — согласился Бай Циюй, — тогда мы не придали этому значения, но профессор Хо сказал, что здесь точно есть потайная дверь. Он шёл и по ходу дела рисовал карту.

Бай Циюй замолчал и начал листать фотографии.

Что-то было не так... Совсем не так...

У Цинь Гуаньхэ загудело в голове. Он, кажется, слишком глубоко погрузился в воспоминания Бай Циюя...

Настолько глубоко, что у него начались странные галлюцинации: в какой-то момент ему почудилось, что за спиной слышны влажные, ледяные капли, над головой раздаётся пустой, протяжный гул, а в нос бьёт сводящий с ума запах морской гнили...

Иллюзия?

Цинь Гуаньхэ посмотрел на Бай Циюя. Холодный свет экрана падал на профиль юноши, придавая ему странную, пугающую застылость.

Наблюдая так долго, Цинь Гуаньхэ наконец понял, откуда это ощущение: Бай Циюй почти не моргал.

Возможно, из-за беспокойства, страха или просто недоверия, он постоянно опускал глаза и редко смотрел в лицо ему или бабушке Ло.

Стоило закрыть глаза, как перед взором вставали подрагивающие густые ресницы Бай Циюя, придавая ему вид несчастного и беспомощного человека.

Но разглядеть его истинное выражение лица было невозможно.

Если подумать... Бай Циюй часто демонстрировал преувеличенный страх: дрожь, нервное расширение зрачков, конвульсии...

Но... были ли они настоящими?

— Нашёл! Я помню, что фотографировал карту профессора Хо. Посмотрите... господин Дима?

— Господин Дима?

Бай Циюй с недоумением коснулся плеча застывшего Цинь Гуаньхэ. Тот вздрогнул и с испугом обернулся.

— Почему вы вдруг задумались? Нашли какую-то зацепку?

— Нет, — Цинь Гуаньхэ с шумом выдохнул и незаметно стёр холодный пот с затылка. — Продолжай.

— Хорошо.

Когда разум прояснился, Цинь Гуаньхэ принялся анализировать, почему возникли такие симптомы.

Причина нашлась быстро: манера рассказа.

Описывая поездку в Циндао, Бай Циюй использовал массу прилагательных и наречий. При обычном разговоре люди так не выражаются — это свойственно письменной речи, стилизованной под устную.

К тому же тон Бай Циюя был ровным, лишённым эмоциональной окраски, а голос — безупречно правильным, как у диктора.

Так рассказывают только два типа людей: дикторы или сторонние наблюдатели.

К какому же относится Бай Циюй?

Цинь Гуаньхэ пристально посмотрел на странную твёрдую чешую на затылке юноши, но тут же отвёл взгляд.

Перед ним на ноутбуке была открыта фотография записной книжки.

На ней от руки, аккуратно и чётко, была нарисована карта. В правом нижнем углу — масштаб и пометки. Почерк был ровным, сухим и твёрдым — сразу видно руку профессионального учёного.

Хо Чуаньшань схематично изобразил путь четырёх групп.

Удивительно, но эти пути образовывали фигуру, похожую на тыкву-горлянку: два неровных круга, которые сходились в тупике у основания.

— Хо Чуаньшань сказал, что такой дизайн не имеет смысла — вряд ли его делали сложнее только ради строительства. Там определённо была секретная комната.

— Секретная комната в бомбоубежище? Это была ещё одна неожиданная удача. Мы снова разделились на четыре группы и пошли обратно, пытаясь найти пропущенную потайную дверь.

— Я, как обычно, был в группе с Ай Чунышэном, Чэнь Шу и Линь Тяньюем.

— Через какое-то время Ай Чунышэн загадочно заметил, что, кажется, понимает, для чего это место предназначалось.

— Он напомнил про знаки радиационной и биологической опасности на главных воротах.

— По его словам, бомбоубежище было лишь прикрытием, а в центре скрывалось главное — биохимическая лаборатория.

— И хотя Чэнь Шу возразил, почему это не мог быть центр разработки ядерного оружия, мы невольно подумали о «экспериментах над людьми».

— И нас нельзя винить. Когда дело касается Второй мировой войны и секретных убежищ в подземных коммуникациях Китая, на ум сразу приходит проклятый Отряд 731.

— Атмосфера стала тяжёлой, шутить больше не хотелось. Мы только молились, чтобы это оказалось не так...

— Но... — Бай Циюй тяжело вздохнул и, встретив напряжённый взгляд Цинь Гуаньхэ, беспомощно улыбнулся, — мы не нашли секретную комнату.

— Не нашли?

— Да, — тихо сказал Бай Циюй. — Мы правда искали очень долго. Весь вечер и следующий день напролёт потратили на поиски двери. Не спали всю ночь. Но всё впустую.

— Возможно, нам не хватило удачи, а возможно... никакой секретной комнаты там не было.

— Тем не менее наш энтузиазм не угас. В процессе поисков мы обнаружили много интересных мелочей и сделали кучу ценных фотографий.

Бай Циюй начал листать дальше.

Использованные гильзы.

Всё ещё яркая, прочная пластиковая каска.

Брошенный в углу заплесневелый белый халат.

Предупреждающие таблички на пяти языках: немецком, английском, китайском, японском и маньчжурском.

Когда дошли до табличек, Цинь Гуаньхэ внимательно их изучил — это были официальные инструкции. В них говорилось не толкаться, не паниковать и спокойно ждать открытия дверей.

Цинь Гуаньхэ немного знал японский, содержание было примерно таким же. Бабушка Ло прочитала маньчжурский текст и подтвердила, что всё в порядке.

Последняя фотография — приклеенная к стене бумага с текстом о заслугах.

Их было две: жёлтая и красная, исписанные мелким почерком на маньчжурском и традиционном китайском.

Бабушка Ло надела очки и прищурилась:

— Эта вещь... похоже, именно отсюда Хо Чуаньшань сделал вывод о дате. Здесь стоит дата: первый день пятого месяца года Бинцзы, то есть 1936 год.

— Город, Бог, Бессмертный, Господин... Похоже, это текст для восхваления божества земли?

Увидев, что бабушка Ло кивнула, Цинь Гуаньхэ пояснил Бай Циюю:

— Ты, возможно, не знаешь, что это такое. В более официальных кругах это называется «Текст о заслугах», он используется для фиксации процесса выхода бессмертного на службу.

— Это можно сравнить с отчётом о проделанной работе или грамотой. В любом случае, такая вещь необходима, чтобы бессмертный мог получить заслуги.

— А документы для божества земли встречаются довольно часто. Когда начинается

строительство, обычно просят кого-то подать прошение божеству, чтобы всё прошло без происшествий.

— Оба документа такие?

Красный лист на фото был очень размыт. Бай Циюй несколько раз увеличивал его, но текст оставался неразборчивым.

Ему стало не по себе, ведь он прекрасно помнил, что при съёмке тщательно настраивал фокус. Такие редкие вещи он всегда старался запечатлеть максимально чётко.

Но если листать дальше, все фотографии, где присутствовал этот красный лист, были ужасно размытыми.

— Странно... Подождите, я помню, есть сайт для улучшения качества фото, сейчас найду.

Пока Бай Циюй возился с компьютером, на экране выскочило уведомление, нагло перекрывшее всё окно.

Он терпеть не мог эту функцию и тех, кто ею пользуется. Только хотел закрыть, как взгляд упал на имя отправителя, и он в тревоге замер.

Ци Жун: Ты в порядке? Ответь хоть что-нибудь!

Бай Циюй опешил: разве Ли Таогэ не должен был помочь отпроситься?

Заметив это, бабушка Ло понимающе сказала:

— Сначала разберись со своими делами. А мне как раз нужно кое-что обсудить с господином Димой.

— Простите, я быстро, — смущённо ответил Бай Циюй. — Идите, не буду вас задерживать.

Когда учитель и ученик скрылись за дверью, Бай Циюй раздражённо почесал затылок.

Раньше он был слишком сосредоточен и не заметил, что иконка мессенджера в углу постоянно мигает, причём сообщения приходили от разных коллег — похоже, что-то случилось.

Над последним сообщением от Ци Жуна висели десятки других, отправленных сегодня.

Бай Циюй был залогинен в личном аккаунте. Поскольку компания выдавала рабочие номера, после работы личными аккаунтами обычно не пользовались, если не было чего-то срочного.

Но в игровой компании все были социофобами, так что личных дел обычно не возникало.

Бай Циюй с нарастающим беспокойством открыл сообщения от Ци Жуна:

9:15

Ци Жун: Почему тебя до сих пор нет?

9:50

Ци Жун: Ты плохо себя чувствуешь? Можешь говорить по телефону?

10:06

Ци Жун: Почему твой телефон всё время вне зоны доступа?

10:30

Ци Жун: Что вообще происходит? Ты можешь мне сказать? Ты правда поехал в больницу с Ли Таогэ?

...

16:40

Ци Жун: Что у вас произошло со старым Ма? Он всё время кричит, что хочет тебя найти.

17:50

Ци Жун: Тебе лучше связаться со старым Ма, он в ужасном состоянии.

Старый Ма?

Бай Циюй замер. Со старым Ма у них были самые поверхностные отношения.

Хотя он был геймдизайнером, он писал тексты, а не работал с художниками. Все запросы решали другие люди.

Что старому Ма от него нужно?

Он сразу вспомнил про бабушку Ло, сердце ёкнуло, и он поспешил прочитать сообщения от других коллег.

Лин Сяо писал: «Это уму непостижимо, никогда не видел, чтобы старый Ма так сходил с ума». Он добавил, что, узнав о невозможности связаться с ним, тот резко вскочил с места, напугав всех, и, ревя как горилла, кричал: «Быстрее найдите его!»

Ещё через два часа Лин Сяо написал, что старый Ма окончательно потерял рассудок: девушки

так испугались, что побросали работу и попрятались в столовой на третьем этаже, половина офиса разбежалась.

Лин Сяо любил сенсации, поэтому даже прислал видео.

Бай Циюй поспешил открыть его. На дрожащем видео из офиса слышался шум, паника и хаос — совсем не то, что обычно бывает в тихой, чинной игровой компании.

Лин Сяо не преувеличивал: в центре экрана был растрёпанный старый Ма.

Подобно человекообразной обезьяне, он стоял на своём рабочем столе, выгнув спину и ноги в неестественной позе, а голова безвольно болталась сзади.

При этом он не переставал орать проклятия — звуки были тягучими, невнятными и омерзительными, лишёнными всякой логики, словно копошащиеся в канализации паразиты.

Два монитора валялись на полу, клавиатура была растоптана, любимые фигурки Луффи и Наруто валялись сломанными.

Коллеги вокруг шептались, на их лицах читались шок, ужас и недоумение.

Самые смелые снимали происходящее на телефоны, остальные старались держаться подальше.

Кадр вдруг затрясся, картинка приблизилась — Лин Сяо медленно подходил ближе.

На видео слышно, как он шёпотом спрашивает:

— Что он говорит?

Программист Сяо Се тихо отвечает:

— Я тоже не понимаю.

По мере приближения камеры омерзительный вой старого Ма стал отчётливее.

Он кричал:

— Поздно поздно поздно проклятье проклятье проклятье уже злится злится злится!!!...

<http://bllate.org/book/18696/1807001>